

НАРКОМ А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ И КЛАССИКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

В стремительно растущем потоке новых исследований о Луначарском — литературном критике большое внимание справедливо уделяется изучению его отношения к культурному наследию прошлого. Между тем остается недостаточно выясненным, как в многогранной практической деятельности руководителя Наркомпроса РСФСР непосредственно проявлялась неустанная забота о сохранении и эффективном использовании золотого фонда русской классической литературы. Работа, которую вел А. В. Луначарский, была по существу направлена на воплощение культурной политики партии, теоретически обоснованной В. И. Лениным. Ряд малоизвестных, незаслуженно забытых фактов, материалов, находящихся в старых повременных изданиях и архивохранилищах, позволяет конкретнее представить себе масштабы неумолимого повседневного труда наркома просвещения в этом направлении.

Республике Советов не исполнилось еще и полугодя, над оказавшимся в прифронтовой полосе Петроградом «реями влажеской летчики, несущие смерть и разрушение, неподалеку от города гре-

мели бои»¹, когда в Зимнем дворце состоялась встреча Луначарского с сыном Н. Г. Чернышевского. Михаил Николаевич вручил ему «Докладную записку» о передаче саратовского дома писателя-революционера пролетарскому государству для устройства в нем музея.² В ходе этой первой их встречи, состоявшейся 26 марта 1918 года, и последующих бесед М. Н. Чернышевский рассказывал наркому «и о своей поездке мальчиком к отцу в Кадау, и о сбережении им рукописей, корректур, писем и личных книг Чернышевского, и о своей работе по сохранению этого наследия в то время, когда имя отца было запрещено в царской России».³ Луначарский выдал

¹ Красная газета, 1918, 6 марта, вечерн. вып., с. 4 («Искусство в гостях у народа»).

² Звенья. М., 1950, кн. 8, с. 591—592.

³ Чернышевская Н. М. У истоков: (К истории создания Дома-музея Н. Г. Чернышевского). — В кн.: Н. Г. Чернышевский: Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1965, вып. 4, с. 257.

«Охранную грамоту» дому Н. Г. Чернышевского, как представляющему «громкий исторический интерес»,⁴ и подписал удостоверение на оплату М. Н. Чернышевскому «научно-литературного труда по капитальному изданию трудов его отца» (пять тысяч рублей золотом).⁵

18 июля 1918 года нарком просвещения направляет телеграфное распоряжение Саратовскому совдепу о ремонте дома писателя и превращении его в музей. Вскоре для этих целей в Саратов было переведено 50 тысяч рублей.⁶

В августе 1920 года, теперь уже в Москве, Луначарский «очень приветливо» снова принимает сына писателя, который передает ему проект Положения о музее. Как видно из дневника М. Н. Чернышевского, Луначарский «сейчас же продикутовал бумагу в Наркомпрос и Совнарком о причислении музея к Отделу музеев, об ассигновании на нужды музея до конца года, впредь до представления общей сметы, 1 миллиона рублей» и о назначении пожизненной пенсии, усиленного пайка для сына писателя.⁷ А через неделю на заседании коллегии Наркомпроса по докладу Луначарского утверждается «Проект постановления о национализации музея имени Н. Г. Чернышевского в Саратове». Текст этого документа лег в основу принятого Совнаркомом 17 сентября и подписанного В. И. Лениным декрета об объявлении музея имени Чернышевского в Саратове национальным достоянием и передаче его в ведение Наркомпроса.⁸ Вскоре, 25 октября 1920 года, по ходатайству Луначарского Совнарком принял подписанное В. И. Лениным постановление о назначении пенсии М. Н. Чернышевскому и о ремонте саратовского Дома-музея.¹⁰

И в дальнейшем Луначарский не переставал интересоваться работой этого музея, помогать ему. Так, в феврале 1921 года, во время поездки в Саратов по делу навязанной партии дискуссии о профсоюзах нарком знакомится с запиской М. Н. Чернышевского о нуждах музея и пишет резолюцию:

«Очень прошу губотнароб обратить внимание на музей имени Чернышевского и по возможности удовлетворить изложенные здесь просьбы.

Нарком А. В. Луначарский. 9.II.»¹¹

⁴ Звенья, кн. 8, с. 592.

⁵ ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 683.

⁶ Звенья, кн. 8, с. 593.

⁷ Н. Г. Чернышевский: Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1965, вып. 4, с. 268—269.

⁸ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 322, л. 253.

⁹ В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1967, с. 588.

¹⁰ Там же.

¹¹ Пиксанов Н. К. Из воспоминаний об А. В. Луначарском. — Русская литература, 1966, № 1, с. 112.

В июне 1926 года Президиумом ЦИК СССР была создана Комиссия по ознаменованию 100-летия со дня рождения Н. Г. Чернышевского, в состав которой входил Луначарский.¹² Как член этой Комиссии нарком посещает музей писателя, внимательно знакомится «с хранящимися там ценностями, относящимися к великому революционеру», и при этом подчеркивает, что «музею будет оказана всемерная поддержка, особенно в связи с предстоящим в 1928 году 100-летием со дня рождения Н. Г. Чернышевского». ¹³

Многолетний бессменный директор музея, внучка писателя-революционера Н. М. Чернышевская с полным основанием отмечала: «Первым идейным шефом музея был Анатолий Васильевич Луначарский, в руках которого сосредоточилось выполнение задач по увековечению памяти Чернышевского: и создание музея, и следовавшая затем финансовая поддержка, и охрана его путем выдачи соответствующей грамоты 26 марта 1918 года, а также помощь в устройстве усадьбы и забота о семье писателя». ¹⁴

Одной из форм работы наркома просвещения в деле сохранения, использования культурного наследия был выпуск массовым тиражом произведений русских писателей. Еще в конце 1917 года в принятом ВЦИК и подписанном Луначарским «Декрете о Государственном издательстве» в качестве первоочередной ставилась задача немедленного налаживания «дешевого народного издания русских классиков». ¹⁵

Конкретно осуществить эту цель была призвана созданная по инициативе Луначарского специальная Комиссия при Наркомпросе, в состав которой входили видные деятели литературы и искусства. Под председательством наркома 24 и 31 января 1918 года проходили второе и третье заседания Комиссии по изданию русских классиков. Присутствовавший здесь А. Блок делился впечатлениями о втором дне работы Комиссии: «... заседание очень стройное и дельное (в противоположность первому). Председательствует Луначарский, который говорит много, охотно на все отвечает, часто говорит хорошо». ¹⁶ Рациональный

¹² Известия ЦИК СССР, 1926, 12 июня, с. 2.

¹³ Известия (Саратов), 1927, 3 апр., с. 2.

¹⁴ Чернышевская Н. М. С соратниками В. И. Ленина: Из истории Дома-музея Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Н. Г. Чернышевский: Статьи, исследования и материалы, 1975, вып. 7, с. 196—197.

¹⁵ Декреты Советской власти. М., 1957, т. 1, с. 298.

¹⁶ Блок А. Собр. соч.: В 8-ми т. М.; Л., 1963, т. 7, с. 321.

подход, деловой стиль работы наркома позволил успешно и оперативно решить такие вопросы, как публикация текстов по новой орфографии, подготовка примечаний, предисловий и иллюстраций к произведениям русских классиков.¹⁷ В ходе двух последних заседаний был разработан качественно новый тип издания, как его характеризовал Блок, — «широкого — народного и школьного».¹⁸

Из отчета Литературно-издательского отдела Наркомпроса Пятому Всероссийскому съезду Советов видно, что на массовое издание сочинений Гоголя, Кольцова, Никитина, Тургенева, Островского, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Л. Толстого и других писателей только в 1918 году государство израсходовало восемь миллионов рублей.¹⁹ По условиям времени тексты произведений большинства русских классиков приходилось перепечатывать со старых матриц, сохранившихся в типографиях, и лишь относительно книг Некрасова Луначарский сразу же заявил «о своем намерении возможно скорее издать для советских читателей нового, советского Некрасова, освобожденного от царской цензуры».²⁰ Редактирование такого издания возглавляемая наркомом Комиссия поручила К. И. Чуковскому.

Важным этапом в развитии основных положений декрета ВЦИК об организации Госиздата (29 декабря 1917 года) явилось подписанное Луначарским постановление Государственной комиссии по народному просвещению о монополизации на пять лет издания сочинений русских беллетристов, поэтов, критиков (всего 58 авторов).²¹ Таким образом, дело собрания и издания произведений классиков от отдельных лиц перешло всецело в руки государства.

В данной связи становится вполне понятной та горячая заинтересованность, с какой откликнулся Луначарский на содержащуюся в письме М. К. Лемке от 10 октября 1918 года просьбу о продолжении издания Полного собрания сочинений и писем А. И. Герцена, начатого им еще в 1915 году.²² Нарком тут же предложил Госиздату «в кратчайший срок» высказать свои соображения на этот счет.²³ 21 октября помощник заве-

дующего Госиздатом И. Белознаевский сообщил Луначарскому, что «условия приемлемы и приступить к изданию можно».²⁴ Неделю спустя был подписан договор следующего содержания:

«Петроград, тысяча девятьсот восемнадцатого года, октября 28 дня, мы нижеподписавшиеся: с одной стороны — Михаил Константинович Лемке, действующий по полномочию наследников Александра Ивановича Герцена — дочери его Наталии Александровны Герцен и внука, Николая Александровича Герцена, а с другой — Народный комиссар по просвещению Анатолий Васильевич Луначарский — заключили между собою настоящий договор о нижеследующем:

Первое: Я, Лемке, настоящим актом предоставляю Народному комиссариату по просвещению исключительное право издания „Полного собрания сочинений и писем А. И. Герцена“ в любом количестве экземпляров без всякого вознаграждения наследников автора.

Второе: Редактирование сего собрания Народный комиссариат по просвещению обязан поручить Михаилу Константиновичу Лемке и без его подписи не может печатать ни одного листа собрания. В текст, одобренный и подписанный к печати Лемке, Народный комиссариат по просвещению не имеет права что-либо включить или из него что-либо исключить и обязан указывать на ошибках и титулах каждого тома, а также в разного рода рекламе или редактора собрания. Расположение материала собрания по томам и в томах делается редактором собрания единолично, равно как и установление точного текста и какие бы то ни было комментарии и примечания.

Третье: Народный комиссариат по просвещению обязан принять для издания собрания до конца его орфографию, употребленную в уже вышедших первых восьми томах.

Четвертое: Полному усмотрению Народного комиссариата по просвещению представляется определение всех условий подписки и продажи экземпляров собрания как с уже вышедшими раньше томами, так и без них, формат же издания должен быть соблюден применительно к уже вышедшим томам, равно как и техника набора.

Пятое: Народный комиссариат по просвещению обязан удовлетворить всех подписчиков (не выше 1000 экземпляров) на полное собрание всеми остальными, сверх уже полученных ими восьми томов, а не получившим почему-либо и первых восьми томов — дослать таковые, без всякого со стороны подписчиков расхода как за самые тома, так и за пересылку и доставку их на дом.

¹⁷ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, ед. хр. 6, л. 2—4.

¹⁸ Блок А. Собр. соч.: В 8-ми т., т. 7, с. 322.

¹⁹ Народное просвещение (еженедельник), 1918, № 6, с. 1.

²⁰ Чуковский К. Из воспоминаний. М., 1959, с. 333.

²¹ Известия ЦИК, 1918, 21 (8) февр., с. 5—6.

²² ЛГАЛИ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 2, л. 36—37.

²³ Там же, л. 37.

²⁴ Там же, л. 36.

Лемке же обязан уплачивать Народному комиссариату по просвещению, по мере выхода томов в свет, за каждый платный подписной экземпляр по два рубля с экземпляра каждого тома, начиная с девятого.

Шестое: Народный комиссариат по просвещению теперь же приобретает в полную свою собственность все оставшиеся у Лемке исправные экземпляры первых восьми томов по два рубля за каждый экземпляр каждого тома. Сумма, следуемая за такие экземпляры, должна быть уплачена Лемке наличными деньгами не позднее 15 ноября сего года.

Седьмое: Народный комиссариат по просвещению, как орган Правительства, принимает на себя охрану неприкосновенности текущих счетов Лемке в Московском Купеческом Банке (Петроградское Отделение) за № 10236 и в Обществе Взаимного кредита Петроградского уездного земства за № 5711 в тех же суммах, каковые состоят там к настоящему дню, ибо на таковых текущих счетах находятся исключительно суммы, принадлежащие наследникам Герцена и составляющие в первом Банке особый фонд, собранный путем субсидирования издания собрания со стороны разных лиц, во втором Банке — личные средства Герценов, предназначенные для дальнейшего при прежних условиях издания собрания. При необходимости для Лемке делать разного рода выемки с обоих текущих счетов Народный комиссариат по просвещению оказывает ему в этом полное содействие через Народный комиссариат финансов Северной Области. В случае обращения Лемке к Народному комиссариату по просвещению за содействием ему по пересылке каких-либо сумм наследников Герцена за границу названное учреждение обязано оказывать такое же через Народный комиссариат финансов и другие органы Правительственной власти.

Восьмое: Народный комиссариат по просвещению обязан посылать Наталии Александровне Герцен в особых ящиках по 25 экземпляров каждого изданного им тома через Правительственных дипломатических агентов, точно так же обязан он оказывать отныне свое содействие почтовым и телеграфным отношениям Лемке к наследникам Герцена.

Девятое: Договор сей считать обязательным для правопреемников указанных выше наследников Герцена. Герцовой и все прочие сборы и налоги по сему договору с Герценов не взыскиваются. Подлинник сего договора иметь Комиссариату народного просвещения, а Лемке — копию с него. Текст доверенности Герценов Лемке на заключение настоящего договора должен быть представлен им немедленно по получении от Герценов из-за границы, а до тех пор вся ответственность за заключение договора возлагается полностью на Лемке.

По доверенности наследников А. И. Герцена Михаил Константинович Лемке.

Нар. ком. по проsv. А. Луначарский.
Заверено печатью Технической части Литературно-издательского Отдела Наркомпроса.
Зав. Технической частью».²⁵

Этот важный документ открыл реальную перспективу впервые сделать произведения Герцена в наиболее полном виде доступными на его Родине. М. К. Лемке хорошо сознавал значение подобного издания и не случайно в письме к наркому назвал его памятником Герцену, устанавливаемым рабоче-крестьянским правительством.

Немало увидел в те годы революционный Петроград и новых скульптурных сооружений. Энергично, искусно воплощая в жизнь ленинскую идею монументальной пропаганды, Луначарский сумел превратить дни открытия памятников выдающимся деятелям прошлого в яркие, незабываемые общенародные праздники. Высокий пафосный настрой торжеств по случаю открытия монументов определяли пламенные, впечатляющие выступления на них самого наркома просвещения. К сожалению, сохранился лишь один полный текст его речи — на открытии памятника А. Н. Радищеву в Петрограде 22 сентября 1918 года.²⁶ Остальные подобного рода выступления Луначарского той поры дошли до нас в скупом репортерском изложении. Но и они сохранили неповторимый дух эпохи многотысячных митингов ранней послеоктябрьской поры.

Так, в речи на открытии памятника Н. А. Добролюбову у Тучкова моста 27 октября 1918 года нарком убежденно заявлял: «Русский народ должен был переносить постановку неуклюжих памятников царям, в то время как непочтёнными оставались имена его борцов в пору предрассветных сумерек: теперь мы начинаем низвергать медных истуканов, позорящих города России, и ставить для вечной чести и памяти монументы великим сынам народа, имевшим мужество поднять смелый голос в тяжелую эпоху и прокладывавшим тропинки в тех местах, где теперь общими силами трудовые массы строят свою широкую дорогу к счастью и свободе».²⁷

Когда в 1919 году наконец готов был памятник А. И. Герцену, на открытии

²⁵ ЦГАОР, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 2, л. 33—34. Копия договора хранится в архиве семьи М. К. Лемке. См. в кн.: *Вандаловская М. Г.* М. К. Лемке — историк русского революционного движения. М., 1972, с. 84.

²⁶ См.: *Луначарский А. В.* Александр Николаевич Радищев: Первый пророк и мученик революции. Пг., [1918] (на обл.ложке: 1919).

²⁷ Петроградская правда, 1918, 27 окт., с. 1.

его 23 февраля у Литейного моста, на Арсенальной набережной с речью снова выступил Луначарский. «Герцен, — подчеркнул оратор, — является одним из гениальнейших людей в русской жизни. Плеханов говорил, что он не знает писателя выше Герцена по стилю и блеску изложения. Его сочинения долгое время были запрещены в России. Теперь Комиссариат просвещения готовит Полное собрание сочинений Герцена. Новое издание приблизит рабочих к Герцену».²⁸

25 августа 1919 года в связи с предстоявшим 50-летием со дня смерти А. И. Герцена Президиум ВЦИК избрал Комиссию, в состав которой вошел и Луначарский.²⁹ 15 сентября, как ее представитель, он выступает на очередном заседании коллегии Наркомпроса с докладом «О чествовании А. И. Герцена».³⁰

Накануне торжеств, 17 января 1920 года, на заседании Совнаркома под председательством В. И. Ленина был принят подготовленный Луначарским проект постановления о мероприятиях Советской власти в ознаменование 50-летия со дня смерти «великого русского писателя-социалиста Александра Ивановича Герцена» и текст письма, адресованного его дочерям — Н. А. Герцен и О. А. Моно.³¹ Утром 19 января нарком выступил с речью на торжественной церемонии закладки памятника Герцену и Огареву у здания Московского университета,³² а вечером на заседании Социалистической академии общественных наук читал по просьбе К. А. Тимирязева его воспоминания «Герцен как натуралист».³³

На следующий день вышла специально подготовленная по инициативе Луначарского однодневная газета памяти А. И. Герцена «Колокол». В помещенной здесь его статье «Коммунизм и Герцен» подчеркивалось, что «для марксиста Герцен — человек своего времени, передовой и великий, но все же дитя своей эпохи, и сквозь эту эпоху он рассматривает героя».³⁴ Вместе с тем, как видно из речи Луначарского на торжественном заседании обществности Москвы 20 января, посвященном 50-летию со дня смерти выдающегося революционера, нарком высоко ценил в нем живого соратника и современника. Обращаясь к портрету Герцена, украшавшему сцену Большого театра, он говорил: «Мы зовем на по-

мощь тебя, великий писатель, великое сердце, великий ум, мы зовем на помощь тебя, воскресающего ныне из своей могилы, помоги нам в годину грандиозных событий, которые ты предвидел, обогнуть мели и рифы, которые рисовались уже твоему пророческому духу, помоги нам, чтобы торжество справедливости, наступление великого нового жизненного уклада, без которого, как ты говорил, всякая революция остается пустой и обманчивой, означали бы собою также великую победу культуры, как ты понимал ее, — культуры как великого торжества человека».³⁵

В те же памятные дни по заказу фотокинокомитета Наркомпроса киноателье «Русь» выпустило фильм «Сорока-воровка», и, как сообщалось в газетной хронике, «первой публичной демонстрацией этой фильмы в Доме Союзов предшествовала речь А. В. Луначарского».³⁶

Возвращаясь к знаменательным событиям первых послереволюционных лет, нельзя не вспомнить, как горячо сочувственно отнесся ленинский нарком осенью 1918 года к предложению директора Книжной палаты С. А. Венгерова отметить обширной выставкой юбилей И. С. Тургенева. 24 октября Петроградская областная коллегия Наркомпроса заслушав «доклад тов. Луначарского об организуемой проф. Венгеровым выставке по случаю юбилея Тургенева», постановила «ассигновать на организацию выставки и издание каталога 30 000 рублей».³⁷

Искренней заботой о судьбе ценных реликвий, оставшихся в квартире покойного писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка, проникнуто направленное Луначарским 24 декабря 1918 года отношение:

«В жилищную коллегию Спасского Совдепа.

Ввиду того, что рабочий кабинет, библиотека, рукописи и вещи личного употребления покойного писателя Мамина-Сибиряка, находящиеся в квартире № 15, д. 16/23 (ул. Подъяческой и Екатерингофского пр.), по воле покойного писателя должны быть переданы в распоряжение Музея имени писателя в г. Екатеринбург, в каковом Музее отведены несколько комнат, куда Музей ходатайствует о переводе в неприкосновенном виде вещей писателя, Комиссариат просвещения просит жилищную коллегию Совдепа не приступать к реквизиции имущества писателя Мамина-Сибиряка и принять все меры к ограждению его в неприкосновенности впредь до выяснения тех вещей и предметов, которые должны и могут быть переданы Музею.

²⁸ Искусство коммуны, 1919, 2 марта, с. 3.

²⁹ Декреты Советской власти, т. 4, с. 68.

³⁰ ЦГАОР, ф. 2551, оп. 1, ед. хр. 3, л. 294.

³¹ Лит. наследство, 1971, т. 80, с. 138—141.

³² Правда, 1920, 21 янв., с. 2.

³³ Там же.

³⁴ Колокол: Однодневная газета памяти А. И. Герцена, 1920, 20 янв., с. 1.

³⁵ Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1963, т. 1, с. 151.

³⁶ Художественная жизнь, 1920, № 2, с. 39 («Герценовские дни»).

³⁷ ЦГАОР, ф. 2551, оп. 1, ед. хр. 4, л. 8.

... Если же, тем не менее, представляется необходимым приступить к частной реквизиции, то Народный Комиссариат просвещения поручает тов. Полетаеву, Евгению Алексеевичу, взять под личную охрану все те вещи и предметы, какие он по соглашению с представителем от жилищной коллегии найдет необходимым изъять от реквизиции и передать Музею.

Нар. ком. по просвещению
А. Луначарский.³⁸

К 1918 году относится также первое конституционное положение Советской власти, утвердившее неприкосновенность толстовской усадьбы Ясная Поляна. 30 марта 1918 года на проходившем под председательством В. И. Ленина заседании Совнаркома принят был разработанный и подписанный Луначарским текст постановления о выдаче пенсии С. А. Толстой, об охране имения «Ясная Поляна» и утверждении за вдовой писателя прав пожизненного пользования усадьбой.³⁹

В то же время встал вопрос о государственном издании Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, причем, как подчеркивал Луначарский, «возбужден он был по личной инициативе В. И. Ленина».⁴⁰ Этот знаменательный факт подтверждается в воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича, который писал: «Вскоре после переезда Советского правительства в Москву Владимир Ильич предложил А. В. Луначарскому и мне вести переговоры с В. Г. Чертковым об издании сочинений Толстого. Это было осенью 1918 г. С Чертковым переговоры шли успешно. Однако его юрисконсульт, совершенно не веривший тогда в прочность Советского правительства, выдвинул такие встречные условия, которые были не только неприемлемы, но и попросту смешотворны. В. И. Ленин, ознакомившись с ними, сказал: „Приходится подождать, а жаль! Толстовцы, оказываются, маловеры и сами мешают изданию Полного собрания сочинений своего учителя. Пройдет некоторое время, и они убедятся в прочности действительно народной власти, и тогда мы с ними сговоримся“».⁴¹

Роль наркома просвещения в создании первого Полного (юбилейного) собрания сочинений Л. Н. Толстого достаточно подробно освещена в ряде серьезных исследований последних лет.⁴² По-

этому не будем повторять известные уже детали этой стороны его неутомимой многолетней работы.⁴³ Напомним лишь, что уже названные причины, начавшаяся затем гражданская война, послесовенная разруха, голод значительно затормозили реализацию планов задуманного В. И. Лениным фундаментального издания. Тем не менее Луначарский хорошо сознавал, что даже в столь трудных условиях «интерес к биографии и сочинениям Толстого... в высшей степени широк».⁴⁴ Оттого так настойчиво рекомендует он работникам Госиздата опубликовать воспоминания А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого. (Записки за пятнадцать лет)» и подготовленную П. И. Бирюковым «Биографию Льва Николаевича Толстого».⁴⁵ К сожалению, работы П. И. Бирюкова и А. Б. Гольденвейзера смогли увидеть свет только в 1922—1923 годах.

К десятилетию со дня смерти писателя нарком сделал все от него зависящее для надежного сбережения потомкам еще одного мемориала великого художника — усадьбы Л. Н. Толстого в Москве. Как и заведующий Домом-музеем в Хамовниках В. Ф. Булгаков, он отлично сознавал, что «действительной гарантией сохранения» этого памятника

В кн.: Л. Н. Толстой: Материалы и исследования. Тула, 1958, с. 31—45; Менделевич Г. А. К истории подготовки первого Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. — Исторический архив, 1960, № 6, с. 68—70; О Полном собрании сочинений Толстого («юбилейном»): Критический обзор Н. К. Гудзия, Н. Н. Гусева, В. А. Жданова, Э. Е. Зайденшур, В. С. Мишина, А. И. Опульского, Л. Д. Опульской, Н. С. Родионова, С. А. Розановой и А. И. Шифмана. — В кн.: Лит. наследство, 1961, т. 69, кн. 2, с. 429—540; Карлова Т. С. Как создавалось первое Полное (юбилейное) собрание сочинений Л. Н. Толстого. — В кн.: Книга: Исследования и материалы. М., 1971, сб. 22, с. 148—169.

⁴³ Кстати, из архивных источников явствует, что в декабре 1918 года Луначарский дважды (7-го и 16-го) докладывал на заседании коллегии Наркомпроса «Об издании Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого». — ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 41, л. 367, 417.

⁴⁴ Вопросы литературы, 1973, № 6, с. 182.

⁴⁵ См. об этом там же, с. 181—182. В дальнейшем Луначарский также немало содействовал изданию книг о Л. Н. Толстом. Так, например, 28 декабря 1926 года в письме к В. Г. Черткову, отвечая на его запрос «относительно издания Бирюковым переписки Марии Львовны с отцом», он сообщал, что «никаких препятствий со стороны Наркомпроса к изданию этих писем не встречается». — ГБЛ, ф. 369, карт. 297, ед. хр. 21.

³⁸ ЦГАОР, ф. 2551, оп. 1, ед. хр. 73, л. 19.

³⁹ В. И. Ленин о литературе и искусстве, с. 570—571.

⁴⁰ Луначарский А. В. По поводу Юбилейного издания сочинений Л. Н. Толстого. — Известия, 1928, 10 февр., с. 2.

⁴¹ Бонч-Бруевич В. Д. Ленин и Толстой. — Правда, 1935, 19 ноября.

⁴² См.: Родионов Н. С. Первое Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого. —

культуры «может быть только национализация его».⁴⁶

В конце марта 1920 года Луначарский направляет в Малый Совнарком завизированный им проект декрета «О национализации дома Льва Толстого в Москве» и докладную записку заведующего Домом-музеем,⁴⁷ а 6 апреля на заседании Малого Совнаркома по докладу Луначарского принимается решение об утверждении данного проекта с поправками и за подписью В. И. Ленина.⁴⁸

19 февраля 1920 года коллегии Наркомпроса под председательством Луначарского принимает решение «передать в непосредственное ведение Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины дом в усадьбе „Ясная Поляна“ со всеми находящимися в нем культурно-просветительными ценностями».⁴⁹

И в московском Доме-музее Л. Н. Толстого, и в объявленной вскоре затем постановлением ВЦИК «национальной собственностью РСФСР» Ясной Поляне,⁵⁰ равно как и в национализированном государством в 1918 году творческом наследии великого писателя Луначарский видел неотъемлемую часть общенародного достояния, требовавшего неослабного внимания и чуткой заботы.

В конце 1922 года в связи с истечением установленного пятилетнего срока национализации произведений писателей-классиков встал вопрос об отмене монополии на издание книг Л. Н. Толстого. На проходившем в середине декабря 1922 года под председательством Луначарского заседании Президиума коллегии Наркомпроса было принято единогласное решение отклонить ходатайство издательства «Единение» о денационализации произведений Л. Н. Толстого.⁵¹ Не увенчалась успехом и попытка В. Г. Черткова в июне 1923 года добиться от Наркомпроса отмены монополии на издание произведений писателя.⁵²

Как ни скудны и ограничены были в ту пору материальные ресурсы и хозяйственные возможности Наркомата просвещения, руководитель его умело изыскивал резервы и средства для своевременной действительной помощи толстовским заповедным местам. Большое внимание и заботу Луначарского ощутили в эти годы Музей Л. Н. Толстого в Москве и его новый директор Т. Л. Толстая. Вот лишь некоторые факты:

24 мая 1923 года на заседании Президиума коллегии Наркомпроса заслуша-

на была информация Луначарского относительно просьбы толстовского музея «О покупке неизданной рукописи Л. Н. Толстого» и принято постановление: «Просьбу Толстовского музея о покупке неизданной рукописи за полторы тысячи рублей удовлетворить, выдав эту сумму из статьи 2 § 4 сметы Наркомпроса».⁵³

12 апреля 1923 года Президиум коллегии Наркомпроса, заслушав доклад Луначарского «Об улучшении материального положения Т. Л. Толстой», постановляет «предложить т. Кристи назначить Т. Л. Толстой ответственную ставку».⁵⁴

30 августа 1924 года нарком подписывает распоряжение по Наркомпросу РСФСР об отчислении от сборов со спектаклей по пьесам Л. Н. Толстого в фонд музея Л. Н. Толстого.⁵⁵

1925 год стал поворотным в решении насущной проблемы издания Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. 3 марта возглавляемая Луначарским коллегией Наркомпроса дает разрешение на печатание дневников и писем Л. Н. Толстого, признает необходимым выход юбилейного Полного собрания сочинений писателя и установление за Госзданием монопольного права на издание этих произведений.⁵⁶ 24 июня Совнаркомом СССР было принято соответствующее постановление.⁵⁷

В конце 1926 года Луначарский интенсивно работает в составе созданной по решению ЦК ВКП(б) специальной Комиссии, призванной ознакомиться с предварительными материалами юбилейного собрания сочинений писателя и определить сроки его издания.⁵⁸ В статье «По поводу Юбилейного издания сочинений Л. Н. Толстого» Луначарский разъяснял: «Редакционные работы по существу ведутся группой толстовцев с Чертковым во главе; они являются в данном случае... большими знатоками всего, что касается жизни, деятельности и сочинений Л. Н. Толстого...»⁵⁹ Одна-

⁵³ Там же, ед. хр. 2101, л. 75.

⁵⁴ Там же, л. 99—100.

⁵⁵ Советский театр: Документы и материалы. Русский советский театр. 1924—1926. Л., 1975, с. 382.

⁵⁶ Народное просвещение, 1925, № 7—8, с. 216.

⁵⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.: Л., 1928, т. 1, с. 359. В статьях Н. С. Родионова эта дата названа неверно: 24 июля. — Лит. наследство, т. 69, кн. 2, с. 431; Л. Н. Толстой: Материалы и исследования. Тула, 1958, с. 33.

⁵⁸ Ряд документов Луначарского о работе данной Комиссии хранится в Отделе рукописей ГБЛ. — См.: ГБЛ, ф. 369 (В. Д. Бонч-Бруевич), карт. 297, ед. хр. 7, л. 6—8; ед. хр. 19—21.

⁵⁹ Известия, 1928, 10 февр., с. 2.

⁴⁶ Лит. наследство, т. 80, с. 172.

⁴⁷ Там же, с. 171—172.

⁴⁸ Там же, с. 172.

⁴⁹ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 218, л. 73а, об.

⁵⁰ Охрана памятников истории культуры: Сб. документов. М., 1973, с. 28—30.

⁵¹ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 1196, л. 2—3.

⁵² Там же, ед. хр. 2166, л. 113.

ко, отмечал далее нарком, «считаюсь с тем, что огромное наследие Толстого может истолковываться различно... государство почло необходимым установить еще наблюдательную редакционную коллегию официального порядка».⁶⁰ 17 марта 1927 года на заседании коллегии Наркомпроса было принято постановление «О назначении Комиссии по редактированию Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого в следующем составе: т. Луначарский, т. Покровский и т. Бонч-Бруевич».⁶¹ В начале апреля 1928 года Госиздат приступил к изданию Полного (юбилейного) собрания сочинений Л. Н. Толстого,⁶² а через полгода, 24 октября, Луначарский утвердил титульный лист 1-го тома этого уникального советского издания.⁶³

В начале 1927 года Луначарскому было поручено авторитетно возглавить созданный по решению правительства Всесоюзный юбилейный комитет в связи с предстоящим 100-летием со дня рождения Л. Н. Толстого.⁶⁴ Открывая первое его заседание, нарком особо отметил, что «правительство решило во время юбилейных торжеств широко популяризовать Толстого как художника и борца с официальной церковью, буржуазным обществом и государством».⁶⁵ На этом же заседании было избрано постоянное бюро Юбилейного комитета, в состав которого вошли Луначарский, Бонч-Бруевич и А. Толстой.

Все свои знания, способности отдавал Луначарский достойному увековечению памяти гения русской культуры. Разносторонние дарования высокоталантливой натуры ленинского наркома в дни юбилея раскрылись во всей полноте и блеске. Он глубоко вынил в мельчайшие технические детали готовящегося торжества, продуманно организовывал и подготавливал к нему большой аппарат Юбилейного комитета, о чем свидетельствует, например, его письмо от 29 декабря 1927 года к В. Д. Бонч-Бруевичу:

«Дорогой товарищ!

По пункту 3-му о потомках Толстого прошу Вас составить мне их список, обозначив имена, отчества, годы, адреса, степень родства.

Помогите мне также составить соответствующую бумагу в Наркомпочтель о Толстовских марках.

Нарком А. Луначарский».⁶⁶

⁶⁰ Там же.

⁶¹ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 69, ед. хр. 840, л. 76.

⁶² Ежегодник литературы и искусства за 1929 год. М., 1929, с. 201.

⁶³ В кн.: Бугаенко П. А. А. В. Луначарский и советская литературная критика. Саратов, 1972, с. 310.

⁶⁴ Правда, 1927, 8 янв., с. 4.

⁶⁵ Там же, 13 дек., с. 7.

⁶⁶ ГБЛ, ф. 369, карт. 297, ед. хр. 7, л. 4.

15 мая 1928 года нарком сообщает Президиуму коллегии своего Наркомата «Просьбу Юбилейного комитета по организации 100-летнего юбилея со дня рождения Л. Н. Толстого, возбуджающего ходатайство относительно персональных пенсий ближайшим родственникам Толстого»⁶⁷ — его сыну Сергею Львовичу, пяти племянницам и племянникам, а также В. Г. Черткову.⁶⁸

Вскоре В. Г. Чертков обратился к наркому с просьбой о командировании его за границу, необходимым ему для успешной работы над изданием сочинений Л. Н. Толстого. Большим доверием, откровенной симпатией к этому фанатически преданному любимому делу человеку проникнуто направленное в данной связи обращение Луначарского в Наркомат внутренних дел:

«В качестве председателя Юбилейного комитета по чествованию Толстого обращаюсь к Вам с просьбой оказать содействие в деле отъезда за границу В. Г. Черткова и его жены М. П. Чертковой. Едут они в Англию. Цель поездки — привезти 818 подлинных писем Толстого к Черткову и архив сектантских рукописей, стекавшихся к Толстому и переданных им на хранение Владимиру Григорьевичу Черткову. Все это значительное имущество должно быть передано по желанию Черткова государству. На поездку Черткова не потребуются никакой валюты, так как английский толстовский комитет дает валюту. Для осуществления намеченной цели необходимо ехать двум лицам, так как груз считается чрезвычайно ценным и необходима постоянная личная бдительность в пути.

Нарком А. Луначарский».⁶⁹ Это несколько необычное в то время начинание получило поддержку Луначарского. Важность и пасущая необходимость поездки для отыскания и сбора исторически ценных архивных материалов отразилась в его письмах по поводу предполагавшейся заграничной командировки В. Д. Бонч-Бруевича. Так, 18 июня 1928 года Луначарский писал своему заместителю по Наркомпросу В. Н. Яковлевой:

«Дорогая Варвара Николаевна.

Посылаю Вам ходатайство В. Д. Бонч-Бруевича о выдаче ему командировочного удостоверения на поездку в Германию, Чехословакию и Францию по делам Толстовского Юбилейного комитета, а также по делам Тургеневского архива. Юбилейный комитет считает эту поездку крайне целесообразной и желанной. Со стороны Наркомпроса никаких

⁶⁷ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 69, ед. хр. 1632, л. 122.

⁶⁸ Веч. Москва, 1928, 18 мая, с. 2.

⁶⁹ ГБЛ, ф. 369, карт. 297, ед. хр. 12.

средств не потребуется, так как деньги отпущены ЦК ВКП.

В Нарком просвещения
А. Луначарский.⁷⁰

Ход подготовки к юбилею Толстого систематически рассматривался на заседаниях коллегии Наркомпроса. На одном из них, 5 июля 1928 года Президиум коллегии принял к сведению зачитанное Луначарским ходатайство Юбилейного комитета «Об обеспечении обязательным экземпляром всей литературы по Толстому толстовского Музея-усадыбы „Ясная Поляна“». ⁷¹ Здесь же заслушан был доклад комиссии Наркомпроса по организации предстоящего юбилейного заседания и принято постановление: «Торжественное собрание открыть вступительным словом т. Луначарского». ⁷²

В 20-х числах июля состоялось также заседание постоянного бюро Юбилейного комитета, где, «по предложению А. В. Луначарского, решено, в частности, пригласить Р. Роллана и известного индусского мыслителя Ганди». ⁷³ Конечно, в данном случае ярко проявилось не только вполне оправданное стремление наркома видеть среди почетных гостей юбилейных торжеств всемирно известных поборников пацифизма, но и горячее желание коммуниста-патриота дать возможность выдающимся зарубежным деятелям культуры лично убедиться, как любят и ценят гений Толстого строители новой жизни. ⁷⁴

В дни подготовки к юбилею с новой силой проявилось яркое ораторское искусство Луначарского в ходе многочисленных его выступлений на разного рода диспутах, торжественных собраниях, юбилейных вечерах. Общий тон всех этих выступлений наркома-оратора был задан еще в феврале 1928 года в его речи «Ленин и Толстой» на вечере в Большом зале Московской консерватории. Отчетливо прозвучавшая здесь мысль Луначарского о том, что «самый большой культурный взнос, который сделал Ленин известными статьями о Толстом, ляжет в основу подлинной коммунистической критики этого мирового художника», ⁷⁵ затем была подхвачена и развита в его литературно-критических работах юбилейного года: в предисловии к первому тому Собрания сочинений Л. Н. Толстого в издании «Огонька», в статьях «Ленин о Толстом»,

«Ленин и Раскольников о Толстом» и др.

В докладе «Толстой и революция», с которым нарком просвещения выступил 10 сентября 1928 года в Большом театре на торжественном заседании в честь 100-летия со дня рождения писателя, было подчеркнуто, что, отмечая эту знаменательную дату, «правительство, партия, советская общественность хотят привлечь ко Льву Толстому внимание миллионов и миллионов людей и содействовать в возможно большей мере правильному пониманию значения его как огромного общественного явления». ⁷⁶

На следующий день, 11 сентября, Луначарский вместе с членами Юбилейного комитета в сопровождении многолюдной делегации деятелей советской культуры и зарубежных гостей приехал в Ясную Поляну, где выступил на торжественном открытии новой школы и первого в России памятника великому писателю. ⁷⁷ В своей речи председатель Юбилейного комитета считал также необходимым и уместным отчитаться перед большой аудиторией в том, куда и как тратятся народные средства, отпущенные государством на проведение этого большого праздника просвещения и культуры. ⁷⁸

Вслед за Л. Н. Толстым неизменно внимательно и поистине бережно относился нарком просвещения к А. С. Пушкину. Исключительный пиетет к пушкинскому гению в первые послеоктябрьские годы интенсивно проявлялся в ослабленном внимании и трогательной заботе Луначарского о родственниках великого поэта. Так, в конце января 1919 года он выступает на коллегии Наркомпроса с ходатайством «О пособии Пушкину, Федотовой и Никулиной». ⁷⁹ Летом 1920 года нарком направляет своему заместителю по заведованию Литературным отделом В. Брюсову следующее письмо:

«Дорогой Валерий Яковлевич.

Попрошу Вас о двух вещах: во 1) при составлении списка кандидатов на художественный паек внесите, пожалуйста, Григория Александровича Пушкина, «внука» поэта, а во 2) изыщите способы поддержать его сейчас же, так как Вы знаете, что просто назначить ему ту или другую субсидию я не в состоянии.

Нарком по просвещению:

А. Луначарский.⁸⁰

7 октября того же года Луначарский передает в Комиссию при Совнаркоме

⁷⁰ Там же, ед. хр. 22, л. 1.

⁷¹ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 69, ед. хр. 1632, л. 158—163.

⁷² Там же.

⁷³ Веч. Москва, 1928, 24 июля, с. 2.

⁷⁴ Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8-ми т., т. 1, с. 318.

⁷⁵ Известия, 1928, 8 февр., с. 5. («Вечер памяти Л. Н. Толстого», подписана: «С. П.»).

⁷⁶ Правда, 1928, 11 сент., с. 5.

⁷⁷ А. В. Луначарский: Исследования и материалы. Л., 1978, с. 194—198.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 180, л. 49.

⁸⁰ Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1967, вып. 29, с. 248.

просьбу «рассмотреть в одном из ближайших заседаний вопрос о назначении усиленной пенсии племяннице поэта А. С. Пушкина — М. Л. Нейкирх».⁸¹ Однако Наркомсобес, куда для окончательного решения дела направлены были соответствующие документы племянницы Пушкина, дочери его младшего брата Льва Сергеевича, усомнился, «подходят ли вообще родственники наших поэтов, писателей, ученых и пр. (даже по прямой линии) к декретам об усиленных пенсиях».⁸² Тогда Луначарский 19 октября снова обращается по этому вопросу в Малый Совнарком, который на этот раз, вопреки сомнениям Собеса, выносит утвержденное В. И. Лениным постановление: «Предложить Наркомсату» социального обеспечения назначить усиленную пенсию племяннице поэта Пушкина гр. Нейкирх в размере 15 тысяч рублей в месяц пожизненно».⁸³ В середине декабря 1922 года Президиум коллегии Наркомпроса заслушал еще один доклад наркома — «Об оказании материальной помощи Ю. Н. Пушкиной» — и постановил «увеличить пособие, выдаваемое детям Ю. Н. Пушкиной, на 50 %».⁸⁴

Одной из причин удивительно трогательной заботы наркома просвещения о пушкинских потомках было, видимо, и то обстоятельство, что в июне 1901 года Луначарский, находясь в ссылке, переехал из Калуги на Полотняный завод, где близко сошелся с родственниками жены А. С. Пушкина — владельцем Полотняного завода Д. Д. Гончаровым и его женой Верой Константиновной.⁸⁵ О гостеприимном доме Гончаровых, его глубоко культурных, радикально настроенных хозяевах у Луначарского сохранились на всю жизнь теплые воспоминания и сердечная благодарность. В удостоверении, выданном уже в советское время, в 1929 году, В. К. Гончаровой, Луначарский писал: «Мотивом к этому моему заявлению является то, что муж Веры Константиновны Дмитрий Дмитриевич Гончаров, происходя из семьи фабриканта, не только произвел на своей фабрике ряд прогрессивных реформ, сделавших его ненавистной фигурой для буржуазии, но и издавал за свой счет социалистическую литературу, над переводом и редакцией которой работал целый ряд выдающихся марксистов, в том числе и покойный И. И. Скворцов-Степанов. Как он, так и я и ряд других, находящихся в ссылке в Калужской губернии революционеров, пользовались неизменной материальной и мо-

ральной поддержкой Дмитрия Дмитриевича и считали его своим товарищем...»⁸⁶

Что же касается «дворцеподобного» дома в Полотняном заводе, где дважды бывал А. С. Пушкин, то еще в начале 20-х годов Луначарский-нарком, хорошо понимавший «большое культурное его значение», «принял некоторые меры к охране этого замечательного уголка».⁸⁷ Но если в данном случае, как, впрочем, признавал и сам Луначарский, предпринятые им меры по сохранению дома Гончаровых были еще недостаточно эффективными, то благодаря усилиям наркома коренным образом изменилась участь бесценных пушкинских памятников на Псковщине.

Он горячо поддержал инициативу псковитян и сотрудников Пушкинского Дома, обратившихся к нему осенью 1921 года с просьбой ходатайствовать перед правительством о национализации заповедных пушкинских мест в губернии. 17 марта 1922 года Малый Совнарком рассмотрел представленный Луначарским проект и принял следующее постановление: «Объявить Пушкинский уголок (Михайловское, Тригорское, а также место погребения Александра Сергеевича Пушкина в Святогорском монастыре) заповедным имением с передачей его под охрану как исторического памятника Наркомпросу по Главмузею».⁸⁸ Под протоколом заседания Совнаркома среди других подписей — размашистый росчерк А. В. Луначарского.

Прошло немало времени, прежде чем сбылась давняя мечта Луначарского — 30 июня 1926 года он посетил Пушкинский заповедник вместе со своим заместителем по Наркомату В. Н. Яковлевой и литературным секретарем И. А. Сацем.⁸⁹ Они побывали в Михайловском, Тригорском, на могиле А. С. Пушкина в Святогорском монастыре. Сопровождавший наркома в поездке по Пушкинским местам Ф. Г. Волков в своих воспоминаниях обстоятельно рассказал об этом его посещении.⁹⁰ Но ряд моментов, колоритно запечатленных по свежим следам репортером газеты «Псковский набат», следует, однако, напомнить: в них рельефно отразилось и само время, и яркая, деятельная натура ленинского

⁸⁶ ЦГАЛИ, ф. 279, оп. 2, ед. хр. 569.

⁸⁷ Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления, с. 27.

⁸⁸ Правда, 1922, 25 марта, с. 3.

⁸⁹ Рассказывая об этом факте, И. Смирнова ошибочно относит приезд Луначарского в Пушкинские заповедник к «началу сентября 1926 г.» — См.: Вопросы литературы, 1979, № 1, с. 172.

⁹⁰ См.: Волков Ф. Г. Луначарский в Пушкинском заповеднике. — В кн.: А. В. Луначарский: Исследования и материалы, с. 233—239.

⁸¹ Лит. наследство, т. 80, с. 219.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 1196, л. 2—3.

⁸⁵ Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М., 1968, с. 26.

наркома. Вот лишь четыре корреспонденции из этой газеты:

*«Нарком просвещения
тов. А. В. Луначарский
в Пушкинских Горах.»*

Третьего дня нарком просвещения тов. А. В. Луначарский посетил Пушкинские Горы.

Вопреки газетным сведениям о разрушающейся будто бы могиле великого поэта, она оказалась в удовлетворительном состоянии.

Грозит обвалиться только стена, непосредственно прилегающая не к могиле, а к церкви. Тут же тов. Луначарский сделал распоряжение о вызове техников для составления сметы и представления вместе с докладной запиской правительству о срочном укреплении стены».

*«В Тригорском приостановлено
выселение двух крестьянских
семей.»*

В имении Тригорском тов. А. В. Луначарский выяснил, что оттуда выселяется две семьи крестьян-бедняков, не имеющих средств для переноса построек на другое место, где им отведена земля.

Там же на месте было отдано распоряжение представителям уездной власти о приостановлении выселения, с тем чтобы добиться отпуска средств для переноса построек...»

*«Выгоны
в Пушкинском Заповеднике.»*

В имении Михайловском и в самом Пушкинском заповеднике главным образом выяснялся вопрос относительно предоставления крестьянам выгонов для скота на территории заповедника.

Тов. А. В. Луначарский предлагает возбудить вопрос перед Наркомземом о предоставлении крестьянам выгона в другом месте, в казенных лесах, если это окажется возможным...»

«Политический доклад.»

В Пушкинских Горах, в Нардومه тов. А. В. Луначарский выступил перед крестьянами, собравшимися в большом количестве, с докладом о международном и внутреннем положении СССР.⁹¹

Следует отметить, как постоянно и последовательно решал затем нарком просвещения вопрос о надежном ремонте могилы поэта. В статье «На могиле Пушкина» он писал: «Стоить это будет недорого, а все мы во всем Союзе будем спокойнее».⁹² 10 июля 1926 года «Вечерняя Москва» сообщала: «В ле-

нинградском отделении Главнауки обсуждался вопрос о реставрации могилы Пушкина в Святогорском монастыре.

После рассмотрения заключения тов. А. В. Луначарского о результатах осмотра могилы Пушкина решено значительно сократить программу ремонта».⁹³ В феврале следующего года та же газета информировала читателей о другом факте — обращении наркома просвещения в Реввоенсовет «с просьбой освободить бывший Святогорский монастырь, где находится могила Пушкина, от расквартированных в нем пунктов допризывной подготовки».⁹⁴

Увиденное и пережитое в Пушкинском заповеднике долго потом еще откликалось в глубоко артистической натуре Луначарского. Отправляясь весной 1927 года в поездку по Западной Европе, в пути он невольно сравнивает проплывающие мимо окон вагона чужие ландшафты с картинами родной природы.⁹⁵

Для Луначарского Пушкин был воплощением жизни. В широко известном отклике наркома о поэте, приуроченном к 85-й годовщине со дня его смерти, он сравнивал Пушкина с «русской весной», «русским утром».⁹⁶ А какими яркими, жизнерадостными были его выступления в дни рождения Пушкина: 6 июня 1924 года — на юбилейном торжестве в Большом театре, посвященном 125-летию со дня рождения поэта,⁹⁷ и ровно через год — в зале Московской консерватории.⁹⁸

Характерно, что всякий раз юбилейный характер речей, докладов наркома о Пушкине разнообразила, украшала и обогащала отчетливо выраженная мысль исследователя-марксиста. В этом отношении его приоритет в пушкиноведении бесспорен. Достаточно назвать блестящий доклад Луначарского «Пушкин и декабристы», с которым он выступил на вечере по случаю 126-й годовщины со дня рождения поэта⁹⁹ — раньше, чем появились работы на эту тему Б. Л. Модзалевского, М. В. Нечкиной, П. Е. Щеголева.¹⁰⁰

⁹³ Вечерняя Москва, 1926, 10 июля, с. 2.

⁹⁴ Там же, 1927, 26 февр., с. 2.

⁹⁵ Там же, 20 июня, с. 2.

⁹⁶ Известия, 1922, 12 февр., с. 3.

⁹⁷ Правда, 1924, 7 июня, с. 4.

⁹⁸ Вечерняя Москва, 1925, 9 июля, с. 3.

⁹⁹ Об этом выступлении Луначарского см.: Вечерняя Москва, 1925, 9 июня, с. 3.

¹⁰⁰ См.: Модзалевский В. К истории «Зеленой лампы». — В кн.: Декабристы и их время. М., 1928, т. 1, с. 11—61; Нечкина М. В. О Пушкине, декабристах и их общих друзьях. — Каторга и ссылка, 1930, № 4, с. 7—40; Щеголев П. Е. «Зеленая лампа». — В кн.: Исследования, статьи и материалы: Из жизни и творчества Пушкина. М.; Л., 1931, т. 2, с. 39—68.

⁹¹ Псковский набат, 1926, 2 июля, с. 3.

⁹² Красная газета, 1926, 6 сент., вечерн. вып., с. 2.

Активно функционировавшая в те годы Пушкинская комиссия Общества любителей российской словесности, возглавляемая проф. П. Н. Сакулиным, стремилась вовлечь Луначарского в свою разностороннюю деятельность,¹⁰¹ в том числе и мемориальную. Летом 1927 года нарком охотно поддержал инициативу Комиссии отметить в Москве памятной доской место рождения А. С. Пушкина (Бауманская ул., д. 10), а затем разбить здесь сквер и открыть памятник поэту.¹⁰²

Советские пушкинисты 20-х годов видели в Луначарском высоко талантливого, эрудированного ученого-марксиста. Именно для того, чтобы «обеспечить марксистски правильную оценку творчества Пушкина»,¹⁰³ в середине 1928 года ГИЗ предложил ему войти в качестве председателя в редакционную коллегию Полного собрания сочинений великого поэта. Нарком принял это предложение, и уже весной следующего года газеты сообщали, что «Госиздат утвердил план академического издания собрания сочинений Пушкина» и что «в состав редакционной коллегии вошли: Д. Бедный, А. В. Луначарский, П. Н. Сакулин, П. Е. Щеголев».¹⁰⁴ Возглавив «редакционный комитет с участием таких уважаемых лиц», он не допускал возможности «взять на себя редактирование Пушкина для того только, чтобы там красовалось»¹⁰⁵ его имя. «Придется, — писал он в ответ на предложение ГИЗа, — просматривать и устанавливаемый ими (П. Н. Сакулиным, П. Е. Щеголевым, — В. Е.) текст, и комментарии, и всякого рода приложения, которые они будут составлять, не говоря уже о том, что, может быть, возникнет необходимость написать краткое предисловие ко всему изданию с изложением, с ленинской точки зрения, важности его для нас».¹⁰⁶ Всю эту трудную работу Луначарский выполнил с чрезвычайной добросовестностью и своевременно. Причем вышедшая в 1930 году первая книга Полного собрания сочинений Пушкина в шести томах снабжена была не «кратким предисловием», а большой, содержательной вступительной статьей Луначарского «Александр Сергеевич Пушкин».¹⁰⁷

Этот редкостный универсализм, прочный сплав плодотворной работы большого государственного деятеля и эффективного труда ученого-марксиста были одной из причин избрания Луначарского в марте 1929 года почетным членом Общества друзей Пушкинского заповедника, возглавляемого президентом Академии наук СССР А. П. Карпинским.¹⁰⁸

Что бы ни делал по увековечению памяти великого поэта Луначарский-нарком, что бы ни говорил, ни писал он как литературовед и критик, — прежде и больше всего он стремился обосновать и доказать тот вывод, к которому привел его многолетний практический опыт: «... Пушкин может и должен стать, в результате критического усвоения его творчества, нашим современником и сотрудником».¹⁰⁹

За все годы пребывания Луначарского на посту наркома просвещения, пожалуй, никто из русских классиков не вызывал у его современников такой оживленной полемики об актуальности их творчества, как А. Н. Островский. Многим в середине 20-х годов казался парадоксальным призыв самого наркома: «Назад к Островскому!» Между тем он звал наших драматургов и театральных работников «не назад, а вперед» в освоении реалистических традиций, чтобы, «оперевшись на Островского, пойти дальше, чтобы постараться стать современным Островским и для этого поучиться у него».¹¹⁰

В мае 1929 года в Москве состоялось открытие памятника А. Н. Островскому, воздвигнутого при активном содействии Луначарского. Этот факт нарком расценивал прежде всего как «акт благодарности и вежи для того, чтобы понять, что черпает наш театр из своего „прошлого для будущего“».¹¹¹

Луначарский неизменно стремился установить живую связь классического наследия со строящейся новой культурой. В день открытия памятника Н. В. Гоголю в марте 1927 года он говорил о непреходящем значении таланта писателя-сатирика. «Никто не скажет, — подчеркивал нарком, — что такие явления, как хлестаковщина, воздревщина, суть такие явления, которые свойственны только помещикам николаевского времени. Мы встречаем таких гоголевских

¹⁰¹ Об участии Луначарского в заседаниях Пушкинской комиссии Общества любителей российской словесности см. в кн.: Лит. наследство, 1970, т. 82, с. 564—565.

¹⁰² Советские архивы, 1974, № 5, с. 84.

¹⁰³ Лит. наследство, т. 82, с. 510.

¹⁰⁴ Вечерняя Москва, 1929, 7 марта, с. 4.

¹⁰⁵ Лит. наследство, т. 82, с. 509—510.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ См.: Луначарский А. В. Собр. соч.: в 8-ми т., т. 1, с. 44—89.

¹⁰⁸ Переписку А. П. Карпинского и А. В. Луначарского по этому вопросу см. в кн.: Прометей, М., 1966, т. 1, с. 287—291; см. также: Вопросы литературы, 1979, № 1, с. 170—171.

¹⁰⁹ Луначарский А. В. Пушкин и современность. — Красная нива, 1929, № 46, с. 13.

¹¹⁰ Луначарский А. В. Собр. соч.: в 8-ми т., т. 1, с. 563.

¹¹¹ Современный театр, 1929, № 22—23, с. 345.

типов вокруг себя и в себе самих как не вечные, но, во всяком случае, долговечные человеческие прототипы. Гоголь, как великий писатель, охватывал не только те внешние черты, которые создавались условиями десятилетий, но и те глубочайшие складки характера, которые складывались столетиями под влиянием частной собственности и буржуазной государственности вообще.¹¹²

Характерно, что сами памятники писателям-классикам рассматривались Луначарским не только как дань уважения, признания культурно-исторического значения того или иного художника, но и как нечто живое, постоянно эмоционально воздействующее на сознание нынешних поколений.

Важным событием в жизни молодой Республики Советов явилось предпринятое по инициативе Наркомпроса в октябре 1922 года объявление неприкосновенными памятниками природы и культуры усадеб поэтов и писателей: А. С. Пушкина (Михайловское, Тригорское), Ф. И. Тютчева (Мураново), С. Т. Аксакова (Абрамцево), П. А. Вяземского (Остафьево), Л. Н. Толстого (Ясная Поляна), Д. В. Григоровича (Дубешино), Н. С. Тургенева (Спаское-Лутовиново), А. П. Чехова (Ялта).¹¹³

Неустанной заботе и вниманию наркома просвещения во многом обязаны не только пушкинский и толстовский мемориалы, но и чеховская дача в Ялте, Остафьево, Мураново. Так, 9 февраля 1924 года Луначарский подписал постановление Президиума коллегии Наркомпроса о назначении «пожизненным хранителем Мурановского музея имени поэта Ф. И. Тютчева внука его Н. И. Тютчева».¹¹⁴ Еще в апреле 1921 года М. П. Чехова в письме к наркому выражала «глубокую благодарность за те заботы, которые были проявлены представителями Наркомпроса в Ялте по охранению дачи» А. П. Чехова.¹¹⁵ И как только весной 1923 года Комиссариату представилась возможность отпустить необходимые на реставрацию средства, нарком прежде всего поставил на Президиуме коллегии вопрос «о ремонте дома-музея А. П. Чехова в Ялте».¹¹⁶

В трудные для страны 20-е годы наследники писателей довольно часто обращались к наркому просвещения по разному рода бытовым вопросам: одни просили его о материальной поддержке, другие — об усиленном пайке... Вот

лишь небольшой перечень запросов и ответных мер, предпринятых по ним наркомом:

21 марта 1921 года внук Ф. М. Достоевского обращается к Луначарскому с благодарностью «за письмо и любезное расположение» к нему.¹¹⁷

25 апреля 1921 года М. П. Чехова просит наркома оказать ей помощь «назначением авторских за переиздание сочинений и пьес брата».¹¹⁸

15 июля того же года Луначарский направляет в Совнарком письмо:

«По поручению тов. Стеклова ко мне обратился прийти к нему на помощь сын Салтыкова-Щедрина Константин Михайлович, приехавший для этого из Пензы. По примеру того, что было сделано для внучки Пушкина и некоторых других лиц в том же положении, прошу Совет Народных Комиссаров установить для К. М. Салтыкова вне всякой очереди двойной академический паек (для него и его супруги). Распорядиться о предоставлении ему квартиры в Москве и установить для него и его супруги усиленную пенсию... в размере 100 000 для каждого.

Необходимо также распорядиться о выдаче обоим хотя бы минимальнейшего количества одежды, обуви и белья.

Напоминаю, что Государственное Издательство издало Полное собрание сочинений М. Е. Салтыкова в 200 000 экземпляров, которое разошлось в короткий срок по всей России.

Нарком по просвещению А. Луначарский».¹¹⁹

6 мая 1922 года на заседании коллегии Наркомпроса заслушан доклад Луначарского «О пособии сестре А. П. Чехова и жене его брата» и принято постановление: «Просить ЦЕКУБУ навести справку о том, получает ли академический паек М. П. Чехова, сестра писателя. Что же касается жены брата А. П. Чехова, то ввиду дальности родства в пособии ей отказать».¹²⁰

21 апреля 1923 года Президиум коллегии Наркомпроса после выступления Луначарского постановил: «Вторично возбудить перед Пенсией комиссией ходатайство о назначении персональной пенсии А. Н. Островской и поручить тов. Луначарскому защищать в комиссии назначение этой пенсии».¹²¹

25 сентября 1924 года на заседании Президиума коллегии Наркомпроса по докладу Луначарского принято постановление: «Возбудить ходатайство о назначении усиленной пенсии дочерям Глеба Успенского Вере и Марии Глебовнам».¹²²

¹¹² Луначарский А. В. Заключительное слово на диспуте «Упадочное настроение среди молодежи». — В кн.: Упадочное настроение среди молодежи: Есенищина. М., 1927, с. 157.

¹¹³ Известия, 1922, 26 окт., с. 4.

¹¹⁴ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 2902, л. 70—72.

¹¹⁵ Там же, оп. 2, ед. хр. 795, л. 106.

¹¹⁶ Там же, оп. 1, ед. хр. 2101, л. 107.

¹¹⁷ Там же, ед. хр. 696, л. 1.

¹¹⁸ Там же, оп. 2, ед. хр. 795, л. 106.

¹¹⁹ Там же, оп. 1, ед. хр. 569, л. 2.

¹²⁰ Там же, ед. хр. 1199, л. 32.

¹²¹ Там же, ед. хр. 2101, л. 107.

¹²² Там же, ед. хр. 2902, л. 220, 224.

2 октября 1925 года в письме к заместителю Наркомфина Левину Луначарский сообщал:

«...Согласно нашему с Вами разговору уведомляю Вас, что до сих пор не отпущено 2000 рублей на приведение в порядок могилы В. Я. Брюсова.

...К этому прибавлю, что в свое время была отпущена некоторая сумма на постройку памятника на могиле знаменитого русского народника Златовратского. Камень для этого привезен, и работу необходимо окончить. На окончание ее требуется всего 250 рублей, и я убедительно прошу Вас прибавить эти деньги к вышеупомянутым 2000 рублей. Таким образом, мы приведем в порядок и еще одну славную могилу...»¹²³

Через пять дней замнаркомфин Левин сообщил в Малый Совнарком (копия Луначарскому), что «Наркомфин РСФСР не возражает против отпуска из резервов фонда Совнаркома 2000 рублей на приведение в порядок могилы В. Я. Брюсова и 250 рублей на постройку памятника Златовратскому».¹²⁴

19 октября 1926 года на закрытом заседании Президиума коллегии Наркомпроса заслушана информация Луначарского «Об оказании материальной помощи ввучке писателя А. Н. Островского — М. А. Ивановой».¹²⁵

28 декабря 1926 года Президиум коллегии Наркомпроса по докладу Луначарского «О помощи семье Глеба Ивановича Успенского, дочерям его В. Г. Успенской и М. Г. Кричинской» принял постановление: «Просить тов. Луначарского переговорить с наркомом Соцобеспечения тов. Ноговицыным относительно увековечения персональной пенсии дочерям Глеба Ивановича Успенского».¹²⁶

И позже, когда Луначарский ушел уже с поста наркома просвещения и стал председателем Комитета по заведованию учебными и учебными учреждениями при ЦИК СССР, на его имя продолжали поступать просьбы о поддержке и помощи по бытовым вопросам родственникам русских классиков. В октябре 1931 года, например, А. П. Семенов-Тянь-Шанский обращается к председателю Учкома с ходатайством о предоставлении А. А. Достоевскому персональной академической пенсии.¹²⁷ К началу 30-х годов относится и письмо жены сына Ф. М. Достоевского, в котором Екатерина Петровна Достоевская благодарит Луначарского за заботу о сыне.¹²⁸

Следует сказать, что и после того, как Луначарский вынужден был по состоянию здоровья оставить занимаемый

им бесценно 12 лет пост наркома просвещения, он не ослаблял внимания к русской литературной классике и ее выдающимся представителям и буквально до последних дней жизни принимал самое непосредственное участие в процессе плодотворного усвоения строящейся советской культурой духовного наследия прошлого.

Луначарский был первым среди «русских литературоведов и читателей художественного слова»,¹²⁹ кто в 1930 году познакомил советских читателей с неизданными стихотворениями в прозе И. С. Тургенева.¹³⁰ Причем содержание этой части обнаруженного во Франции тургеневского архива Луначарский рассматривал в неразрывном единстве с уже известными шедеврами данного жанра и оценивал их в целом как «очень своеобразный человеческий документ и очень совершенные по форме художественные произведения».¹³¹

Точку зрения Луначарского поддержал вскоре А. Мазон в серии писем к нему по поводу предстоящей публикации «Стихотворений в прозе».¹³² «...Их следует объединить, — писал он Луначарскому, — с уже опубликованными стихотворениями в том порядке, который соблюден в подлиннике, таким образом мы будем иметь *полное собрание*, в таком виде, в каком его задумал Тургенев».¹³³

С глубоким пониманием отнесся в 1930 году Луначарский к предложению С. Я. Штрайха опубликовать его новую работу о И. И. Пущине «Лучший друг Пушкина». В резолюции на авторском запросе об этом в издательство «Федерация» он писал: «Всецело высказываюсь за издание книги „Лучший друг Пушкина“... А. Луначарский. 16/II».¹³⁴ Авторитетное мнение главного редактора Полного собрания сочинений А. С. Пушкина оказалось решающим: в том же году труд известного литературоведа был опубликован.¹³⁵

¹²⁹ Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8-ми т., т. 1, с. 153.

¹³⁰ В январском выпуске журнала «Огонек» он выступил со статьей «Неизданные стихотворения в прозе Тургенева». Не дожидаясь русского издания подлинника найденных А. Мазоном архивных черновигов Тургенева, Луначарский здесь умело использует их французский перевод.

¹³¹ Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8-ми т., т. 1, с. 153.

¹³² См.: ЦГАЛИ, ф. 279, оп. 2, ед. хр. 424.

¹³³ Там же.

¹³⁴ ГБЛ, ф. 427 (Штрайх С. Я.), карт. 1, ед. хр. 1.

¹³⁵ Книга С. Я. Штрайха вышла под названием «Первый друг Пушкина» (М.: Федерация, 1930). — См. в кн.: Штрайх С. Я. Книжки и статьи. 1903—1946: Библиографический список. М., 1946, с. 9.

¹²³ Там же, оп. 69, ед. хр. 242, л. 1—2.

¹²⁴ Там же, л. 2.

¹²⁵ Там же, ед. хр. 570, л. 21.

¹²⁶ Там же, ед. хр. 572, л. 17.

¹²⁷ ЦГАЛИ, ф. 279, оп. 2, ед. хр. 476.

¹²⁸ Вопросы литературы, 1979, № 1, с. 188.

Нельзя не напомнить также, что еще в 1931 году советские ученые при живейшем участии Луначарского предприняли первую после Октября попытку переиздать газету Герцена и Огарева «Колокол». К сожалению, в предисловии М. В. Нечкиной к факсимильному изданию «Колокола» 60-х годов нет никаких сведений об этом немаловажном факте.¹³⁶ А между тем в Архиве Учкома при ЦИК СССР сохранились документы, свидетельствующие, что 5 июня 1931 года на заседании пленума Учкома под председательством Луначарского было заслушано «Ходатайство АН СССР об отпуске средств на переиздание „Колокола“» и принято постановление: «Поручить т. Луначарскому в пятидневный срок переговорить с т. Халатовым о возможности переиздания „Колокола“...»¹³⁷

Переговоры председателя Учкома с заведующим Госиздатом, видимо, прошли успешно, поскольку 26 июля 1931 года на заседании Секретариата ЦИК СССР принимается решение «О переиздании „Колокола“ Герцена с научными комментариями, как издания АН СССР».¹³⁸ При этом Луначарскому поручено было «войти в соглашение с ОГИЗом и Ака-

демией наук по вопросу об установлении порядка и срока переиздания этих материалов».¹³⁹ В начале августа составлена была ориентировочная смета на переиздание «Колокола». Ознакомившись с ней, 10 августа 1931 года Луначарский просит издательство «Academia» «дать свое экспертное заключение о смете».¹⁴⁰

К сожалению, больше никаких сведений по данному вопросу в архиве Учкома при ЦИК СССР обнаружить не удалось. Тем не менее сохранившиеся материалы позволяют говорить о важной роли Луначарского в предпринятой полвека тому назад первой попытке переиздания герценовского «Колокола».

Своеобразным итогом и теоретическим обоснованием богатого опыта разносторонней практической работы Луначарского по освоению замечательных достижений культуры прошлых эпох являлась его статья «О наследстве классиков» (1930). Ее главный тезис о том, что «искусство высочайших крижей европейской культуры: античности, Ренессанса, конца XVIII—начала XIX века, а у нас в России наивысшего проявления дворянской и, в особенности, разночинской культуры, остается еще для нас полным жизни и поучительности».¹⁴¹ до сих пор не утратил своей злободневности.

¹³⁶ Нечкина М. В. Предисловие. — В кн.: Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. (Факсимильное изд.). М., 1960, вып. 1, с. III—XVI.

¹³⁷ ЦГАОР, ф. 7668, оп. 1, ед. хр. 333, л. 9.

¹³⁸ Там же, л. 11.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же, л. 12.

¹⁴¹ Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8-ми т., т. 8, с. 197.